

**Тезисы докладов круглого стола «Gogoliana», посвященного памяти
Ю.В. Манна и И.А. Зайцевой (20 февраля 2025 г., ИМЛИ РАН)**

В.Г. Щукин (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

**Ю.В. Манн — популяризатор русской интеллектуальной культуры
XIX в.**

Юрий Владимирович Манн был не только выдающимся исследователем поэтики, историком литературы, литературной критики и эстетической мысли, но и замечательным просветителем и популяризатором русской интеллектуальной культуры. Примером может послужить его книга «В кружке Станкевича», вышедшая в 1983 г. в Москве, в издательстве «Детская литература». Ее читателями должны были стать старшеклассники, но написана она так, что и сейчас может заинтересовать любого, кто хоть немного интересуется нашим историческим прошлым и нашей национальной мудростью в самом широком смысле — от философии бытия и познания до жизни сердца и человеческих отношений в быту. Чтобы рассказать обо всем этом читателям, Ю.В. Манн выбирает тридцатые годы XIX в. — эпоху углубленного умственного и психологического поиска и трудного нравственного выбора. При этом читатель знакомится не только с Н.В. Станкевичем и его друзьями, которыми были будущие корифеи русской художественной, интеллектуальной, психологической и даже бытовой культуры — В.Г. Белинский, А.И. Герцен, К.С. Аксаков, М.А. Бакунин, Т.Н. Грановский, В.П. Боткин, И.С. Тургенев и многие другие, но также с избранницами их сердец — сестрами Бакуниными, Натальей Беер... Поэтому наряду с главами, посвященными философским исканиям («Философский кружок», «Философские университеты», «Действительность, действительность!...») в книге Ю.В. Манна немало страниц, рассказывающих о поисках подлинной любви и того неповторимого счастья, когда «тебя

понимают» не только друзья-студенты, но и та лучшая половина человечества, представительницы которой двести лет назад не могли занять заслуженные места на студенческой скамье. А разве не эти проблемы волнуют всех нас в пятнадцать-шестнадцать лет? Но ведь научиться тому, как облагородить свои чувства и не ошибиться в сердечном выборе, можно познакомившись с реальными страданиями идеалистов тридцатых годов, потому как в этом отношении за двести лет мало что изменилось. Только так — просто, ясно, с искренней любовью к тому, о чем пишешь, можно и нужно рассказывать широкой читательской аудитории о вещах непростых и очень важных, так они воспитывает в нас культуру. Ю.В. Манну удавалось это превосходно.

Е.Е. Дмитриева (ИМЛИ РАН), А.С. Шолохова (ИМЛИ РАН)

Проблема особых экземпляров «Миргорода» 1835 г. Новое о старом

Доклад посвящен текстологии повести Н.В. Гоголя «Вий» и проблеме особых экземпляров сборника «Миргород», изданного в 1835 г. В центре внимания — обнаруженные различия между основным тиражом и найденными особыми экземплярами.

Повесть «Вий» впервые была опубликована во второй части сборника «Миргород» с цензурным разрешением от 29 декабря 1835 г. Одной из основных загадок, связанных с этим изданием, является найденный в 1930-е гг. в ходе подготовки полного академического собрания сочинений Гоголя не известный ранее особенный экземпляр «Миргорода», который отличается от экземпляров основного тиража отсутствием финальной сцены «Вия». Кроме того в нем присутствует неизвестное ранее предисловие к следующей за тем

«Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», напечатанное на отдельном листе. Эти различия позволили исследователям (Н.Л. Степанов, И.А. Виноградов, Е.Г. Падерина) предположить, что в процессе подготовки в издание могли быть внесены изменения, вызванные цензурными или техническими причинами. То, что в найденном особом экземпляре текст «Вия» незначительно отличается от версии основного тиража, свидетельствует о том, что Гоголь продолжал редактировать текст уже после того, как рукопись поступила в типографию.

В последнее время было обнаружено еще два экземпляра, отличных одновременно и от особого экземпляра БАН, найденного в 1930-х гг., и от общего тиража. Один из них — экземпляр «Миргорода» из Национальной библиотеки Чехии, другой — из библиотеки А.В. Никитенко Томского государственного университета (последний содержит и финал «Вия», и предисловие к повести о двух Иванях).

Внесение исправлений во время печати было в гоголевские времена делом обыкновенным. В этом смысле в самом факте правки загадочного не так уж много. Тем не менее, открытым остается вопрос, в какой последовательности вносились данные изменения, и предшествовала ли выработка финала «Вия» написанию предисловия к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», и какова была телеология удержанного во всех экземплярах примечания «Погрешность», в содержательном отношении лишнего в экземплярах основного тиража.

С.В. Сапожков (ИМЛИ РАН)

**Читательские пометы А.В. Никитенко на полях сборника Н.В. Гоголя
«Арабески»**

Предметом доклада стал комментарий читательских помет А.В. Никитенко на дарственном экземпляре сборника Н.В. Гоголя «Арабески» (1835), который сегодня хранится в научной библиотеке Томского государственного университета в составе богатейшей коллекции книг Никитенко (около 3 тыс. экз.). Пометы относятся к двум статьям — «Скульптура, живопись и музыка» и «Несколько слов о поэзии Пушкина», и имеют следующий вид: отчеркнутые на полях вертикальной линией фрагменты текста и поставленные напротив них вопросы, без каких-либо словесных пояснений читающего. В дальнейшем в своей литературно-критической деятельности Никитенко не возвращался к этим статьям Гоголя, но знак вопроса говорит о полемическом характере помет, выражающих, по меньшей мере, сомнения в тех тезисах Гоголя, которые содержались в отчеркнутых отрезках текста. Из вышесказанного становится понятно, что комментирование таких помет может носить исключительно гипотетический характер и предполагает поиски некоего ключа, посредством которого можно было бы интерпретировать возникшие у Никитенко сомнения / возражения. Этот ключ, в свою очередь, будет обладать аутентичным смыслом, если при его обосновании будут соблюдены следующие условия: 1) тщательная реконструкция контекста (биографического, историко-литературного и эстетико-философского), хронологически близкого к моменту чтения Никитенко этих статей Гоголя и способного пролить свет на возникшие у него вопросы; 2) обращение к читательскому опыту Никитенко и, соответственно, к другим его пометам в печатных источниках, близких по проблематике к содержанию гоголевских статей; 3) привлечение к анализу рукописных и других архивных материалов, подкрепляющих достоверность избранного интерпретационного ключа.

В докладе предпринят опыт обоснования такого ключа применительно к маргиналиям Никитенко на полях статьи Гоголя «Скульптура, живопись и музыка». Логика обоснования сводится к следующему алгоритму

умозаключений. Во-первых, статья Гоголя генетически, как доказали комментаторы 3 тома новейшего ПСС Гоголя (М.: Наука, 2009), восходит к традиции немецкой философской эстетики, адаптированной к эстетическими взглядам московского кружка «любомудров» (статья Д.В. Веневитинова «Скульптура, живопись, музыка», а также книга В. Вакенродера и Л. Тика «Сердечные излияния монаха, любителя изящного», вышедшая в 1826 г. в переводе «любомудров» под названием «Об искусстве и художниках»). Во-вторых, к этой же традиции был органически причастен и А.В. Никитенко, прослушавший во время учебы в Петербургском университете (1824–1829) курс профессора А.И. Галича по истории немецкой философской эстетики и считавший лектора своим наставником в области теории «науки изящного» (это следует из его поздних воспоминаний о своем учителе, вышедших в 1869 г.). В-третьих, в 1825 г. выходит в свет книга Галича «Опыт науки изящного», которая, по мнению З.А. Каменского, являлась адаптированным к отечественной традиции конспектом фундаментального труда Ф. Шеллинга «Философия искусства», а на тот момент, пожалуй, единственным источником по его изучению в России. В-четвертых, Никитенко тщательно изучал «Опыт...» Галича, о чем свидетельствуют его маргиналии на экземпляре книги, сохранившемся в библиотеке Томского университета; большинство помет имеет знак NB, что говорит о важности для Никитенко программных тезисов Галича; скорее всего, эти пометы им были сделаны еще во время обучения в Петербургском университете, когда он слушал лекции своего наставника. В-пятых, его «Опыт...», как доказала Н.В. Гончарова, нашел отражение в ряде теоретических статей Никитенко 1835–1837 гг. («О происхождении и духе литературы», «О творящей силе в поэзии, или О поэтическом гении», «Речь о необходимости теоретического или философского исследования литературы»), содержащих концепцию его лекционного курса по теории изящной словесности, который он начал читать в Петербургском университете с 1832 г. Все это вместе взятое позволяет заключить, что именно «Опыт науки изящного» А.И. Галича и мог стать для

Никитенко тем эстетико-философским трудом, сквозь призму которого он в 1835 г. и оценивал содержание статьи Гоголя «Скульптура, живопись и музыка». К сказанному остается добавить, что Никитенко не знал немецкого языка, и потому философско-эстетические труды других немецких романтиков (братьев Шлегелей, Новалиса, Гердера, Винкельмана и др.) вряд ли были ему известны.

Во второй части доклада была сделана попытка прочесть статью Гоголя как бы «глазами» Галича, спроецировав основные тезисы его «Опыта...» на программные заявления Гоголя. Проекция показала значительное несовпадение этих заявлений с философско-эстетическими взглядами Галича, что и породило целую серию вопросов Никитенко к содержанию статьи. Это несовпадение также заставило поставить вопрос о «русской» рецепции «Философии искусства» Шеллинга и показать наличие в теории различных видов искусств Галича значительного преобладания антропологического принципа над онтологическим («натурфилософским», по Шеллингу), что сместило акцент с вопроса о бытийном («натурфилософском») статусе скульптуры, живописи и музыки на уяснение специфики механизмов порождения художественной образности, свойственных каждому из этих трех видов искусств.

Н.В. Гончарова (НБ НИ ТГУ)

Читательские пометы А.В. Никитенко на полях сборника «Миргород»

Н.В. Гоголя

Доклад посвящен интерпретации читательских помет критика и цензора А.В. Никитенко в тексте повестей «Миргорода» (1835). Часть из них имеет биографический подтекст, и выявляет самоидентификацию Никитенко как

выходца из малороссийской семьи, что сказалось на начальных его взаимоотношениях с Гоголем. Оба дают схожую характеристику двух типов малороссиян: Гоголь в «Старосветских помещиках», Никитенко в автобиографических записках. Глубоко биографична часть помет, касающихся образа матери в повести «Тарас Бульба».

Юмористическое направление в литературе стало для Никитенко определяющим в его оценке творчества Гоголя начиная с публикации «Вечеров на хуторе», что было отмечено в дневнике цензора. В пометах к повести «Старосветские помещики» Никитенко уловил особенность гоголевского юмора, в основе которого — несоответствие восторженного тона рассказчика и повествования, показывающего деградацию этого мира.

В отмеченных Никитенко фрагментах повести «Тарас Бульба» доминирует тема красоты (описания польской возлюбленной Андрия). Знаки вопроса на полях текста свидетельствуют о непринятии Никитенко западноевропейского типа красоты. Для Никитенко понятие красоты неотделимо от высокой нравственности, данная эстетическая категория сложилась под влиянием университетского преподавателя А.И. Галича, в трудах которого раскрывалась сущность изящного как единство истинного и доброго. Особое явление, еще во времена античности получившее название калокагатия, выразилось в творчестве В.А. Жуковского с его жизнестроительным тезисом «Жизнь и Поэзия — одно», символической концентрацией которого явилась формула «Гений чистой красоты».

Вторая часть сборника «Миргород» не имеет помет, однако дневниковая запись Никитенко о творчестве Гоголя «... талант его чисто теньеровский» представляет собой отзыв на уже известную ему «Повесть о том, как поссорился...». Имя фламандского художника Давида Теньера (Тенирса, 1610–1690), который рисовал деревенские праздники и комические сцены из жизни социальных низов, служило нередко эмблемой погружения в грубую, грязную действительность. В замечании Никитенко содержится несогласие с изображением сцен, в которых действительность не дополнена выражением

идеала, высшего смысла. Само по себе такое изображение представляется ему неполным, односторонним. В своих теоретических и критических работах Никитенко отстаивал синтетическое единство реальности и идеала.

А.Х. Гольденберг (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), **Д.А. Кудрявцев** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

Ботанический роман. Комментарий к переписке Гоголя и сестер Виельгорских

Летом 1849 г. между Гоголем и сестрами Анной Виельгорской и Софьей Соллогуб (урожд. Виельгорской) завязалась переписка. Особенно близок писатель был с Анной Михайловной, для которой он стал духовным наставником, давая ей советы, как «сделаться действительно русскою, по душе, а не по имени». В этот же ряд вписывается их «ботанический роман» — три письма, которые Гоголь отправил из Москвы в Петербург Анне и Софье. В них тема познания русской природы — необходимое средство воспитания русской души.

В начале июля 1849 года Гоголь, узнав о занятиях сестер ботаникой, посылает им иллюстрированный ботанический атлас. Писатель уверяет, что подарок не стал для него финансовым бременем: «Я дарю из своей собственной библиотеки, которая составила у меня давно. Я люблю из нее дарить друзьям моим». Из переписки следует, что Гоголь был владельцем значительной ботанической библиотеки. Его письма сестрам позволяют не только уточнить ее состав, но и определить направленность его ботанических интересов. Софья получает от него книгу «Санктпетербургская флора» Г.Ф.

Соболевского (1801), «которая будет вам полезна уже потому, что, кроме названия всякого растения, вмещает обстоятельное описание, применение на пользу и указание, в каких именно местах около Петербурга растет». Для Гоголя важно, чтобы сестры узнали лекарственное и хозяйственное назначение собираемых растений в народном быту, и обещает прислать им труд проф. Н.П. Щеглова «Хозяйственная ботаника» (1826–1828), подробно описывая его достоинства. Одновременно писатель заботится о пополнении своей библиотеки ботаническими новинкам. Он просит Я.К. Грота прислать ему из Гельсингфорса книгу Нюландера «*Flora fennica*». Комментаторы мемуаров Грота, выполнившего просьбу Гоголя в 1849 г., ошибочно полагают, что ее автором был ботаник Уильям Нюландер. Однако в списке его трудов такой книги нет. Нами установлено, что Гоголь имел в виду вышедший в Гельсингфорсе «Сборник финских растений» («*Spicilegium plantarum fennicarum*») (1846) Фредрика Нюландера, в котором описывались растения не только территории Великого Княжества Финляндского, но и Карелии и Кольского полуострова. К этому же времени относятся обширные ботанические выписки Гоголя из книги Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства», рукописные списки растений «Лекарственный арзамасский травник», «Травник симбирский» с русскими и латинскими названиями и кратким описанием их свойств, «Цветочный календарь».

Это свидетельствует не только о широком круге чтения Гоголем трудов по ботанике в конце 1840-х гг., но и об активном собирании флористических материалов для творчества. Они, как нам представляется, были связаны с работой писателя над тремя книгами — о народной ботанике, вторым томом «Мертвых душ» и книгой о географии для юношества, в которых тема родной природы как способа познания России и русского человека была одной из ведущих.

Проблемы датировки писем Н.В. Гоголя

Среди сохранившихся писем Гоголя немало таких, в которых авторская дата либо отсутствует полностью, либо представлена частично (указаны лишь число и месяц, а год не приведен). Например, обычно не имеют даты небольшие записки, которые могли передаваться Гоголем со слугами адресатам, жившим неподалеку. Такие послания он отправлял из Васильевки в соседнее поместье А.С. Данилевскому, а в Петербурге — тому же Данилевскому, А.С. Пушкину, К.С. Сербиновичу и др. Во многих случаях в подобных коротких записках также не указаны ни адресат, ни место написания. Однако при публикации все эти взаимосвязанные параметры необходимо восстановить: требуется выдвинуть и убедительно обосновать гипотезу о том, кому адресовано письмо, где оно написано, к какому именно времени относится, и в соответствии с этим предположением разместить его в общем хронологическом ряду писем. Одним из основных способов решения этой задачи является изучение содержания письма и выявление упомянутых в нем обстоятельств и реалий, которые могут быть с достаточной уверенностью отнесены к тому или иному отрезку времени.

В докладе рассматривается пример гоголевского письма, которое ранее неоднократно публиковалось, но либо вообще не датировалось, либо датировалось ошибочно. Это записка Гоголя М.П. Погодину («Завтра в 3 часа к обеду нагрянет к тебе весь ученый мир, предводимый растением Редькою...»), которая традиционно считалась написанной в Москве (где жил Погодин) и датировалась маем или августом 1835 г. (когда Гоголь проезжал через Москву по пути в Малороссию и обратно). Однако при этом исследователями упускался из виду тот факт, что упомянутый в записке П.Г. Редкин, товарищ Гоголя по Нежинской гимназии, а позднее известный правовед, также должен был, судя по содержанию письма, находиться тогда же в Москве. Тем не менее изучение фактов биографии Редкина позволяет

убедиться в том, что ни в мае, ни в августе 1835 г. он не мог быть в Москве, поскольку, согласно обнаруженным архивным документам, вместе с другими российскими законооведами, ранее стажировавшимися за границей, сдавал весной и летом серию экзаменов на степень доктора прав в Петербурге, на юридическом факультете столичного университета; в Москву же он отправился лишь осенью 1835 г. Остается предположить, что исходная предпосылка прежних публикаторов неверна и записка была написана не в Москве, а в Петербурге, где все трое — Гоголь, Погодин и Редкин — находились в феврале-марте 1835 г. (по имеющимся сведениям, Погодин прибыл в Петербург около 23 февраля, уехал обратно в Москву 15 или 16 марта). Эта гипотеза подтверждается, в частности, тем, что в письме В.П. Андросову из Петербурга от 11 марта 1835 г., которое затем было опубликовано во второй книжке «Московского наблюдателя», Погодин упоминает обучавшихся в Германии отечественных студентов-правоведов, к числу которых принадлежал Редкин. Кроме того, позднее, публикуя адресованные ему письма Гоголя, Погодин неявным образом отнес рассматриваемую записку к февралю-марту 1835 г., расположив ее среди других писем указанного периода.

Д.М. Никитина (ИМЛИ РАН)

«Об Одиссее, переводимой Жуковским» Н.В. Гоголя: «петербургские» и «московские» варианты текста

Статья Н.В. Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским», включенная в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847 г.), прежде вышла в 1846 г. в периодической печати — в «Современнике», «Московских ведомостях» и «Москвитянине».

До нас дошел лишь один автограф статьи — это рукопись, отправленная Гоголем П.А. Плетневу для публикации в «Современнике», этот же автограф

позднее стал источником текста седьмой главы «Выбранных мест...», подготовкой и изданием которых занимался Плетнев.

Сравнение текстов статьи, опубликованных в петербургских и московских изданиях, дает основание считать, что это два разных варианта текста. А объем и характер разночтений позволяет, с одной стороны, предположить, какие изменения в опубликованный в «Современнике» текст были внесены посторонней рукой (редактором журнала и цензором), с другой, вкуче с сохранившимися документальными свидетельствами, воссоздать приблизительную картину того, когда и какой вариант статьи «Об Одиссее, переводимой Жуковским» был создан.

Так, на наш взгляд, сначала Гоголь подготовил беловик статьи для «Современника», отправил письмо со статьей Плетневу и после этого приступил к подготовке беловика для московских изданий. При этом, по всей вероятности, у Гоголя был исходный черновик. Как нам кажется, переписывая набело статью для «Современника», Гоголь вносил исправления в текст по ходу работы, в том числе и во время перечитывания статьи. То же самое Гоголь проделал, работая над беловиком статьи, предназначенной для московских изданий. Подобное положение вещей, на наш взгляд, объясняет количество и характер разночтений в текстах.

О.В. Голодняк (ИМЛИ РАН)

О первой публикации главы «Что такое губернаторша» («Выбранные места из переписки с друзьями») и откликах на нее

Доклад посвящен первой публикации одной из глав книги «Выбранные места из переписки с друзьями», запрещенных цензурой в 1846 г., — «Что такое губернаторша». Она появилась в 1860 г. в первом номере газеты

«Современность и Экономический листок», выпускавшейся Н.П. Корневым и просуществовавшей менее полутора месяцев. Из хранящейся в ОР РНБ рукописной копии письма П.А. Кулиша к Н.П. Гилярову-Платонову известно, что Кулиш хотел напечатать не пропущенные цензурой главы гоголевской книги в «журнале» в интересах наследников писателя — надеясь выручить дополнительные средства — и вел переговоры с Корневым уже в конце 1857 г., когда тот еще не имел собственного издания. Автор доклада на основе архивных материалов и сведений, почерпнутых из периодических изданий 1850–1860-х гг., характеризует газету «Современность и Экономический листок» и личность ее издателя, а также высказывает предположения о том, почему Кулиш обратился именно к нему и при каких обстоятельствах они могли познакомиться. Опыт сотрудничества с «Современностью...» оказался не вполне удачным. Небольшое число подписчиков и слишком короткая «жизнь» газеты, не успевшей занять какое-то место в журналистике того времени, сделали текст главы «Что такое губернаторша» малодоступным, на что прямо указал В.И. Асоченский, перепечатывая его в 1866 г. в своем журнале «Домашняя беседа»; другие переданные Кулишом главы и вовсе не были опубликованы.

Первое появление главы о губернаторше в печати не вызвало сколько-нибудь серьезных откликов: одна из причин (хотя и не единственная) видится автору доклада в том, что громкая история с прекращением издания и жалобами обманутых подписчиков отчасти затмила содержание газеты.

Е.Г. Падерина (ИМЛИ РАН)

Рецепция «Выбранных мест...» Гоголя во второй половине XIX в. как структурная проблема

Доклад посвящен логике развертывания и мифопорождения в полувековом процессе восприятия последней книги Гоголя. Все началось за полгода до выхода «Выбранных мест...» из печати в январе 1847 г. — со слухов, толков и даже сплетен, породивших на редкость устойчивые мифы, которые с разной степенью интенсивности бытовали до конца XIX в. Речь шла о резком переломе в мировоззрении Гоголя, близком, как полагали некоторые, к умопомрачению, о его отказе от художественного творчества вследствие мистицизма и религиозного фанатизма, о лицемерии, ханжестве, небывалой гордыне, страсти поучать окружающих и желании выступить пророком и проч.

В 1847 г. альтернативную позицию заняли читатели, имевшие литературные и эстетические взгляды и религиозные убеждения, Гоголю близкие. При этом полного согласия среди положительно воспринявших «Выбранных мест...» и отрицавших книгу, среди сочувствующих автору и осуждавших его не было. Парадоксальной тенденцией в приватно и печатно высказанных мнениях стало превалирование правового аспекта в восприятии как авторской, так и читательской и критической позиций: право светского автора на проповедь, писателя — на публичную исповедь, Гоголя — на обсуждение памятника, критики — на самостоятельную от автора, а автора на независимую от критиков оценку прежде изданных произведений, рядового читателя — на эпистолярный диалог с признанным знаменитым писателем и проч.

С течением времени в общий поток вливались новые мифы, вызванные разноречивым обсуждением книги по ее выходе. Так, после смерти Гоголя в 1852 г. журнальную печать наводнили биографические и эпистолярные данные о его жизни, вышла первая биография Гоголя, составленная П. Кулишом, были опубликованы сохранившиеся главы второго тома «Мертвых душ», <Авторская исповедь>. Рецензии и отзывы носили в подавляющем числе апологетический характер, ведущие журналисты полемизировали с

прижизненной критикой книги и опровергали вышеупомянутые мифы об авторе, опираясь на обнародованные сведения. В.Г. Белинский как наиболее яркий критик 1830–1840-х гг. стал восприниматься как ответственный за почти единодушное отрицание книги и осуждение Гоголя, а распространение в списках «Переписки Гоголя с Белинским» (т. е. письма Гоголя, заальцбруннского письма Белинского и гоголевского ответа ему) привело к тому, что скандал вокруг «Выбранных мест...» 1846–1847 гг. стал восприниматься как спор Белинского с Гоголем. И в последующие десятилетия восприятие книги не отделялось от той или иной трактовки спора писателя и критика, что смещало эстетический и литературно-критический фокус рецепции гоголевского произведения в сторону оценки правоты или неправоты того или другого.

В 1870-е гг. благодаря А.Н. Пыпину к этому добавился миф о Н.Г. Чернышевском как якобы поддержавшем в 1850-е гг. критику Белинским гоголевской книги, и таким образом образовалась псевдоисторическая «тенденция» преемственного осуждения позднего Гоголя ведущими русскими критиками. В результате, начиная с конца 1880-х гг. возникла новая волна апологии «Выбранных мест...». Критика, полемически обращенная к Белинскому и к Чернышевскому, заново опровергала мифы, что уже были опровергнуты в 1850-е гг., в числе прочего — Чернышевским. Полемичны по отношению друг к другу в вопросе о «Выбранных местах...» оказались два крупных историко-биографических труда конца 1990-х гг. — В.И. Шенрока о Гоголе и Н.К. Барсукова о М.П. Погодине.

В.Д. Денисов (независимый исследователь, Санкт-Петербург)

Первый отзыв Н.В. Гоголя о пушкинском творчестве (1831)

Беловой текст статьи «Борис Годунов. Поэма Пушкина» записан на двух листах канцелярской бумаги характерным гоголевским почерком, в текст внесены мелкие поправки. Главной из них было то, что первоначально вписанное название и посвящение П.А. Плетневу были затем старательно зачеркнуты, а сверху крупным и торопливым почерком приписано: «Как вам кажется, как вы находите это сочинение?»

В сочинении речь шла о распродаже пушкинской исторической драмы, написанной поэтом в ссылке в 1825 г. Разрешение ее печатать Пушкин получил лишь в 1830 г., когда его издатель П.А. Плетнев обратился к А.Ф. Смирдину — сотрудничавшему с поэтом столичному книготорговцу, что привлекало читателей и авторов в его книжный магазин-библиотеку (наб. р. Мойки, 63). Здесь книгу стали продавать 22–23 декабря 1830 г.: без данных автора, но с датой 1831 г. Причем из двухтысячного тиража за два дня купили 400 книг по 10 р. (большую часть по тем временам!).

Гоголь говорит о величии Поэта, создающего гармоничные Божественные творения, понятные, близкие, притягательные для читателя, хотя тот и не понимает ни *высшего смысла* творения, ни его *истинной цены*. Да и сам Поэт (Пушкин), будучи слаб как человек, подвержен страстям и соблазну. Это подтверждают реминисценции из его стихов.

Исследователями еще не была отмечена переключка гоголевской статьи со стихотворением «Разговор книгопродавца с поэтом» 1824 г., где слова Поэта о сути и цели творчества удивительно схожи с высказываниями персонажей Гоголя и где отчетливо проступают мотивы «торгового века». Все это позволяет предположить, что Гоголь все же решил показать эссе самому Пушкину при первом их знакомстве в мае 1831 г. на квартире Плетнева.

Вечное лироэпическое начало жизни — как *отражение* пушкинского Я — Гоголь именует **поэмой**, а потом так определит жанр своего произведения «Мертвые души».

Зарубежные поездки Н.В. Гоголя (сбор материала): пробелы, проблемы, трудности

В различных изданиях (письма, изданные В.И. Шенроком, академическое собрание сочинений) комментарии к зарубежным письмам Н.В. Гоголя (1829, 1836) оказываются крайне лаконичными. Для составления более углубленного и развернутого реального комментария требуется формирование документальной базы данных. За основу могут быть взяты существующие биографии писателя (В.И. Шенрок, Ю.В. Манн, И.А. Виноградов), и к данному фактическому материалу должна быть добавлена разветвленная сеть дополнительных уточняющих источников. В данную группу могут входить следующие типы документов:

- записки русских путешественников, воспоминания, мемуары (общность опыта: П. Анненков «Парижские письма», Н. Греч «28 дней за границею», Д. Милютин «Воспоминания», А. Глаголев «Записки русского путешественника» и т.д.);
- точечные статьи и заметки в газетах и журналах интересующей нас эпохи (например, об Итальянском театре в Париже: «Телескоп», «Калейдоскоп»);
- законодательные акты и своды законов (оцифрованные «Moniteur officiel», «Bulletin des lois» на сайте французской национальной библиотеки), архивы французского правительства (персоналии онлайн);
- тематическая подборка изданий информативного характера (например: путеводители, книги о городах и актерах: «Париж и

парижане», «Лето в Баден-Бадене», «Путешествие по Швейцарии» и т.д.);

- подборка художественных текстов или текстов знаменитых писателей («Рейн» В. Гюго, «Путевые картины» Г. Гейне);
- вспомогательная научная литература (Россия и Швейцария, Рим и Гоголь и т.д.);
- архивные материалы.

Рита Джулиани (Университет «Сапьенца», Рим, Италия)

Гоголь, Белли и их окружение

Среди загадок биографии Гоголя — тайна его отношений с великим римским поэтом Джузеппе Джоакино Белли (1791–1863), автором знаменитых «Римских сонетов», которые увидели свет только после смерти автора. Белли сочинил 2279 сонетов на римском наречии, в которых изображал жизнь римского простого народа. Будучи чиновником папского государства, он не мог позволить, чтобы власти узнали о его текстах: в них было слишком много социальной сатиры, откровенных выражений и антиклерикальных мотивов. Со временем его проект создать литературный памятник римскому простому народу становился все более грандиозным, как и гоголевский замысел «Мертвых душ». Позднее оба писателя отреклись от своих шедевров и предназначили их огню. Исследования о Гоголе и Белли не проливают свет на фундаментальный вопрос: где, как и когда они познакомились и общались. Об их личном общении известно лишь то, что Гоголь писал об этом М.П. Балабиной в апреле 1838 г. и рассказывал Сент-Бёву в июне 1839 г. Гоголь слушал, как Белли декламирует свои еще неизданные сонеты, что поэт делал лишь в кругу избранных друзей. Гоголь также

писал, что в его распоряжении имелись тексты сонетов Белли. Наверное, кто-то из друзей переводил ему тексты. Возможно, в этом ему помогала сама княгиня Зинаида Волконская или граф Миниато Риччи, ее преданный кавалер, который хорошо владел русским языком. Скорее всего, встречи двух писателей были неоднократны и связаны с окружением Волконской, которая общалась с близкими друзьями Белли: в их числе были певица Тереза Терциани и ее муж, либреттист Джакомо Ферретти. Важную роль в этой среде играл Миниато Риччи, который был также в близких отношениях с Белли. В январе 1835 г. Белли сочинил сонет в честь Волконской, по просьбе которой написал сонет также для Риччи. Белли и Риччи обменивались собственными сонетами — знак большой близости, поскольку Белли лишь в редких случаях давал рукописные копии своих стихов доверенным лицам. Гоголь был в хороших отношениях также с Риччи.

Документальные данные о Белли, Гоголе и их общем окружении подтверждают, что их знакомство не было случайным. Мнения Гоголя о поэте, которые он высказывал в письме к Балабиной, были следствием многократного общения Гоголя с самыми близкими друзьями Белли, принадлежавшими к русско-римскому кругу, центром которого была Зинаида Волконская.

Е.И. Самородницкая (РГГУ, РАНХиГС)

**«Вырабатывает безостановочно Байронов и Диккенсов»: Гоголь
об английских писателях**

В докладе рассматривается взгляд Н.В. Гоголя на английскую литературу, реконструируемый по опубликованным нехудожественным источникам, таким, как письма, статьи, заметки, рецензии. Удалось выявить

четыре имени, которые так или иначе повторяются в гоголевских текстах: У. Шекспир, В. Скотт, Дж.Г. Байрон и Ч. Диккенс. Шекспир предстает эталонным, правильным чтением, критерием различения ложного и истинного. Классиком оказывается и В. Скотт несмотря на то, что хронологически он ближе к Гоголю: в его творчестве происходит переход от романтического направления мысли к классическому. И хотя от Гоголя не ускользают такие черты В. Скотта, как любовь к старине и готике, главным достоинством писателя он видит «великое вдохновенное спокойствие художника». Наиболее сложной фигурой выглядит Байрон, который, с одной стороны, соотносится с образом байронического героя, а с другой, представляется Гоголю фальшивым и неискренним. Байрон — олицетворение романтика вообще, в то время как для Гоголя важно зафиксировать переход к иной, не романтической художественной манере. Писатель несколько выбивается из существующего направления разговора об английской литературе как об оппоненте революционной и опасной французской словесности. Английскую классику Гоголь соотносит прежде всего с собой и ищет в ней не литературно-общественную, а личную пользу. Представляется, что он должен был найти ее и в Диккенсе (о котором обнаружено только одно упоминание, вынесенное в заглавие доклада), еще одном писателе, у которого любили искать (и находили) черты реализма. Как и в случае с Гоголем, его фантасмагорическая и авантюрная манера и изобилие странных персонажей, противоречащие представлениям о реализме, могли игнорироваться только убежденным позитивистским сознанием.

И.И. Сизова (ИМЛИ РАН)

**Мировоззрение Н.В. Гоголя в интерпретации Л.Н. Толстого и круга
издательства «Посредник» в 1880-е гг. (на материале книги “Николай
Васильевич Гоголь как учитель жизни”, 1888 г.)**

Доклад посвящён анализу книги Александра Ивановича Орлова (псевд. Н. Орлов) о жизни и творчестве Н.В. Гоголя, подготовленной в издательстве «Посредник» под руководством Л.Н. Толстого. Во второй части этой книги, построенной в форме риторических вопросов и ответов на них, рассматриваются основные концепты религиозной философии Н.В. Гоголя на примере «Авторской исповеди» и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Содержательно весь материал объединен двумя темами: «Что понимал Н.В. Гоголь под “истинной жизнью”» и «Как он учил этой жизни людей». В поле зрения Л.Н. Толстого и А.И. Орлова концепт служения, понятия «ум» — «разум» — мудрость» в свете христианской антропологии, идея о постоянном самосовершенствовании христианина, панорама современного христианства и близкая Л.Н. Толстому критика формальности в христианстве («современные христиане» «готовы обнять все человечество, но не человека»).

Автор доклада приходит к выводу о том, что в оценке кругом «Посредника» жизни и творчества Н.В. Гоголя центральным явилось понимание *мессианского, пророческого* значения его слова и земного предназначения. По мысли Л.Н. Толстого и А.И. Орлова, как человеку и писателю Н.В. Гоголю было предназначено освободиться от своих недостатков и помогать в этом другим людям. Жизненный путь Н.В. Гоголя-христианина (его описание стилизовано в «Посреднике» под жанр *жития*) представлялся Л.Н. Толстому близким жизненному пути каждого человека; все люди «проживают» «жизнь» по известной траектории: от «чистоты» — через «соблазны» — к «спасению» в «истинной жизни».

Черкашина М.В. (ИМЛИ РАН, РАНХиГС)

Лубочные и драматические переделки повести Н.В. Гоголя «Вий» в конце XIX – начале XX вв.¹

В отличие от «Тараса Бульбы», послужившего в 1880-е гг. «прародителем» для дюжины лубочных переделок, порой с самыми причудливыми названиями, нам известна всего одна лубочная переделка «Вия» под названием «Страшная красавица, или Три ночи у гроба» (1883, тип. И.Д. Сытина), она же «Три ночи у гроба красавицы». Переиздавалась она 13 раз вплоть до 1915 г., когда уже, как принято считать, сам лубок (за исключением батального) вовсе утратил свое значение.

Характерную реакцию современников на лубочные переделки русской классики находим в «Полтавских епархиальных ведомостях» (№6, 1908): критик (И.А. Самойлович) отмечает, что такие переделки вторые по популярности в народном чтении после религиозной литературы, но пригодными для чтения в смысле истинного просвещения народа их считать отказывается, сравнивая с «милордами глупыми» Н.А. Некрасова.

Главный герой «Страшной красавицы» по имени Грицко — вовсе не безродный бурсак, а племянник богатого сотника, который, не одобряя его любовь к бедной девушке Марусе, отправляет его к своему другу польскому магнату Росинскому. Там Грицко влюбляется в дочку магната, красавицу Констанцию, которая грозит ему мстью, если он ее оставит. Так и случается, когда дядя меняет мнение и благословляет его брак с Марусей. Констанция умирает, рожая ребенка Грицко, отец проклинает ее, однако, обещает призвать Грицко читать по ней молитву 3 ночи. На третью ночь та встает из гроба и душил Грицко в своих объятиях. Так злая сила в ее образе оказывается социально и национально маркированной, а сам мотив измены с полькой и отцовского проклятия явно соотносится с «Тарасом Бульбой».

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00375, [https:// rscf.ru/project/23-18-00375/](https://rscf.ru/project/23-18-00375/)

Сходный принцип переделки гоголевского сюжета (введение любовной интриги) лежит и в основе 4 драматических переделок: М.Л. Кропивницкого (1896), Н.А. Дингельштедта (1897), Е.А. Шабельской (1898), Ф. Задубровского и М. Кретовой (1904).

Кропивницкий вводит в свою драму любовный треугольник: Хому, бублишницу с рынка и влюбленную в Хому панночку (у которой, в свою очередь есть весьма воинственный жених Тарас). У Задубровского также фигурирует бублишница-вдова Приска, у которой Хома снимает угол, и влюбленная панночка. У Дингельштедта Хома на дворе сотника встречает подругу своего детства Галю и влюбляется в нее. Панночка Шабельской не просто ведьма, но имеет жениха-поляка, сына графа Скаржинского.

Существенная характеристика этих переделок — «поэтика хорошего конца» (*Ю.М. Лотман. Массовая литература как историко-культурная проблема*). Хома Дингельштедта остается жив и женится на Гале. Хома Задубровского год спустя седым стариком возвращается после паломничества к святым местам в дом Приски, узнает об их ребенке, родившемся в его отсутствие, и обещает жениться. Даже финал Кропивницкого, где панночка коронует Хому королем подземного мира, нельзя считать несчастливым.

Стоит отметить, что и драматические переделки «Вия» век спустя, в период нового периода роста массовой культуры, склонны вводить в сюжет любовную интригу (правда, несколько ее проблематизируя): Хома Н. Садур (1985) флиртует с некой Хвеськой, ведя разговоры о женитьбе и детишках, Хома В. Сигарева (2015) живет с некой вдовицей и одновременно оказывается насильником над панночкой, а Вий предстает ему в образе младенца, указующего на Хому перстом. Да и само изобилие младенцев в сюжетах этих переделок отсылает к тому же мотиву и к киноадаптации В. Бортко «Тараса Бульбы» (2009).

Наконец, продолжением переделки «Вия» можно считать и критический отзыв В.М. Дорошевича (сам он автор одной из лубочных переделок «Тараса

Бульбы») на пьесу Шабельской в форме сатирического пастиша (1900): Хома Брут хочет ехать в Петербург, но капитан Копейкин отговаривает его. Приехав, Хома удивляется столице, приходит в театр Шабельской, где та встречает его в образе ведьмы, щелкающей ножницами и кромсающей гоголевский текст, затем она вызывает с того света самого Гоголя, тот в ужасе отказывается признать в ее инсценировке свое детище, и Хома умирает.

Нам, однако, следует признать, что такие произведения не есть гибель гоголевского текста, как казалось критикам, а лишь перевод его на язык массовой культуры, законы которой на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв. оказываются сходными.

Е.Р. Матевосян (ИМЛИ РАН)

«Дети Солнца» у Достоевского и Горького: к вопросу о творческом диалоге писателей

В докладе сделана попытка сопоставить произведение Достоевского малой прозы «Сон смешного человека» (с подзаголовком «Фантастический рассказ») из «Дневника писателя» за 1877 г. (опубл.: Дневник писателя. Ежемесячное издание Ф. М. Достоевского. 1877. Апрель. СПб., 1877) и пьесу Максима Горького «Дети Солнца» (1905 г.).

К этой теме я обращаюсь второй раз. Первое обращение было связано с сопоставлением этих двух произведений в социокультурном контексте эпохи и нашло выражение в статье «”Дети солнца” в художественном мире Горького и Достоевского: к проблеме метафорической интерпретации человеческого опыта» (См.: Творчество Максима Горького в социо-культурном контексте эпохи: Горьковские чтения 2004 г.: Материалы междун. конф. — Н. Новгород,

2006. С.55–61). В статье шла речь о разных трактовках утопического человеческого опыта. В настоящем докладе поставлена задача рассмотреть вопрос о художественном влиянии Достоевского на творчество Горького.

Известно, что Федор Достоевский был одним из главных «оппонентов» для Максима Горького. Причем, в художественном восприятии Горьким творчества Достоевского наблюдалась очевидная двойственность, то есть, отрицая, особенно в первое пятнадцатилетие XX в., любое положительное влияние Достоевского на нравственное состояние российского общества, в своем творчестве Горький практически постоянно вел напряженный диалог со своим оппонентом, явно признавая всю мощь его таланта. Социальная педагогика Горького очевидна в его публицистических статьях начала века, протестующих против постановки «Бесов» в Художественном театре («О “карамазовщине”», «Ещё о “карамазовщине”» и др.), а художественное осмысление философии Достоевского явно прочитывается в его драматургии 1900-х годов и конечно в последнем романе «Жизнь Клима Самгина».

Вот и пьеса «Дети Солнца» носит следы такого влияния. Если рассказ Достоевского серьезно осмыслен и проанализирован исследователями, то пьеса Горького среди горьковедов до сих пор считается трудной для интерпретации — как сценической, так и литературоведческой.

Цель доклада — с помощью рассказа Достоевского «Сон смешного человека» попытаться открыть новые смыслы в пьесе Горького «Дети Солнца». Ведь в рассказе тоже появляются «дети солнца».

Купцова О.Н. (МГУ им. М.В. Ломоносова, ГИИ)

Вокруг «Ревизора» Мейерхольда: итоги режиссерского юбилея

В 2024 г. отмечалось 150-летие со дня рождения В.Э. Мейерхольда. «Ревизор» (1926) стал одним из самых обсуждаемых спектаклей творческого наследия режиссера в дни празднования этого юбилея.

Доклад посвящен главным юбилейным событиям, связанным с мейерхольдовской версией «Ревизора». В первую очередь, выходу первого тома (в двух книгах) материалов по спектаклю, опубликованных комиссией по наследию Мейерхольда Государственного института искусствознания (Мейерхольд В.Э. Наследие. Спектакли: «Ревизор». Т. 1: В 2 кн. Подготовка сценического текста. Москва: ГИТИС, 2023). Том воссоздает допремьерную жизнь постановки «Ревизора» в ГосТИМе (с осени 1925 г. по декабрь 1926 г.) на основе записей репетиций, бесед, обсуждений и пр. Издание представляет достижения академической науки в области мейерхольдоведения.

Вторым заметным событием стала выставка в Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства «Казус Мейерхольда, или “Ревизора” хочется всегда» (ноябрь 2024 г. – апрель 2025 г.). Куратор выставки — И.И. Климовицкая. В первую четверть XXI столетия состоялась полная реабилитация Мейерхольда, творческое возвращение и «тиражирование» его театральных идей, дошедшее уже до своеобразного культа режиссера. Пришло время десакрализации, иронии, игры как трамплина для нового этапа осмысления мейерхольдовского вклада в театральное искусство. Петербургская выставка, фокусирующаяся на одном спектакле Мейерхольда — «Ревизоре», с одной стороны, демонстрирует неизвестный широкой публике материал: эскизы мозаик и сами мозаики, представляющие сцены из спектакля и портреты актеров в ролях в «Ревизоре». Мозаики во второй половине 1930-х гг. готовились для нового, так и не построенного здания ГосТИМа. С другой стороны, центральный зал экспозиции («Ревизор») представляет своеобразную игровую площадку, на которой мейерхольдовский режиссерский метод и принципы применяются куратором выставки к собственной биографии режиссера.

Е.В. Аверьянова (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник,
Рязанский театр кукол)

Стихи и проза Н.В. Гоголя в жанре мелодекламации

Иллюстрацией к докладу были выбраны две аудиозаписи: стихи «Молитва» на музыку А. Шнитке и фрагмент аудиозаписи из повести «Невский проспект» на музыку И. Шварца.

Эти треки были записаны к выставке «Внешний смех и тайный плач», посвященной 215-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Выставка открывалась в марте 2024 г. в Рязани, во дворце Олега.

Создавал выставочный проект художник Владимир Кузнецкий, который посвятил свой проект художнику-иллюстратору гоголевских произведений, рязанцу Петру Михайловичу Боклевскому, уроженцу с. Елшино, ныне это Пронский район. На выставке были представлены бронзовые статуэтки, барельефы и графические рисунки, которые В. Кузнецкий создавал по иллюстрациям П. Боклевского, в 2015–2019 гг. Коробочка и Манилов, Чичиков и Собакевич — эти герои из произведений Н.В. Гоголя предстали перед рязанцами в бронзе. Атмосфера Невского проспекта XIX в., галерея персонажей русского общества, удивительные обстоятельства — все это переносило посетителей в мир героев писателя. А для полного погружения в этот мир были записаны отдельные треки, такие как: Чичиков на балу, Чичиков у Коробочки, образ Собакевича, образ Плюшкина, «Повесть о капитане Копейкине», «Нос», «Невский проспект» — которые посетители выставки при желании могли послушать.

Также были представлены фото сцен спектаклей Рязанского Театра Кукол по произведениям Н.В. Гоголя: «Брат Чичиков», который поставил в 2002 г. художественный руководитель и режиссер театра Валерий Николаевич

Шадский, а также «Женитьба», поставленная в 2018 г. белорусским режиссером Олегом Олеговичем Жюгждой.

Как представителю г. Рязани автору доклада очень хотелось познакомить участников круглого стола с современной интерпретацией творчества Н.В. Гоголя на Рязанской земле.